

БОЛЬШИЕ

КНИГИ

Артур Конан
Дойль

ХОЗЯИН ЧЁРНОГО ЗАМКА

и другие истории

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Д 62

Перевод с английского

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

- © П. Гелева, статья, состав, 2018
- © Ольга Варшавер, перевод, 2018
- © В. Воронин (наследник), перевод, 2018
- © Н. Высоцкая (наследник), перевод, 2018
- © П. Гелева, перевод, 2018
- © Б. Грибанов (наследники), перевод, 2018
- © Н. Дехтерева (наследник), перевод, 2018
- © А. Дубов (наследник), перевод, 2018
- © Н. Емельяникова (наследник), перевод, 2018
- © Д. Жуков, перевод, 2018
- © Ю. Жукова, перевод, 2018
- © Г. Злобин, перевод, 2018
- © Е. Короткова, перевод, 2018
- © С. Маркиш (наследник), перевод, 2018
- © И. Мигولاتев, перевод, 2018
- © Л. Мотылёв, перевод, 2018
- © В. Поляков, перевод, 2018
- © Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2014
Издательство Иностранка®

ISBN 978-5-389-07119-3

РАССКАЗЫ

ТОПОР С ПОСЕРЕБРЁННОЙ РУКОЯТЬЮ

(действительное происшествие)

3 декабря 1881 года д-р Отто фон Гопштейн, профессор сравнительной анатомии Будапештского университета и попечитель академического музея, был самым подлым образом зверски убит прямо у входа в здание университета.

Мало того что жертвой подобной жестокости оказался человек видный и весьма популярный среди студентов и горожан, но имелись в деле ещё и особые обстоятельства, способствовавшие тому, что данный случай привлёк живейшее внимание публики и заставил говорить о себе всю Австро-Венгрию.

Газета «Пештер Абендблатт» опубликовала на следующее утро статью, с которой могут ознакомиться любопытные. Я приведу из неё лишь несколько отрывков, имеющих отношение к некоторым обстоятельствам данного преступления, каковые поставили в тупик венгерскую полицию.

«Насколько можно судить, — сказано в этой замечательной газете, — профессор фон Гопштейн покинул здание университета около половины пятого пополудни, чтобы успеть на вокзал к прибытию венского поезда в 17.05. Профессора сопровождал приват-доцент химии г-н Вильгельм Шлезингер, его давнишний и преданный друг и главный помощник в заботах о музее. Цель, которую задались оба господина, направляясь встречать названный поезд, состояла в том, чтобы принять коллекцию, переданную в дар Будапештскому университету после смерти её владельца графа фон Шуллинга. Как известно, этот несчастный дворянин, трагическая гибель которого ещё у всех на устах, завещал уже знаменитому музею в своей alma mater непревзойдённую коллекцию средневекового оружия, владельцем коей он являлся, а также несколько поистине бесценных инкунабул¹.

¹ Старинные книги, изданные в первые годы после изобретения книгопечатания. — *Здесь и далее примечания составителя.*

Достопочтенный профессор слишком дорожил подобными реликвиями, чтобы доверить их получение и доставку кому-нибудь из подчинённых. Таким образом, с помощью г-на Шлезингера он намеревался принять коллекцию прямо на вокзале и разместить её в небольшой повозке, предоставленной для этой цели университетским руководством. Большая часть книг и наиболее хрупких предметов прибыла упакованная в деревянные ящики, однако значительная часть оружия была без особых затей обложена соломой, так что разгрузка оказалась делом отнюдь не лёгким.

Тем не менее профессор был настолько озабочен тем, как бы бесценные реликвии не повредились, что решительно отверг услуги носильщиков. Каждый из экспонатов переносился по перрону непосредственно г-ном Шлезингером и передавался им прямо в руки профессору фон Гопштейну, который находился в повозке и занимался погрузкой.

Когда всё было уложено, оба учёных, печась о сохранности груза, вернулись в университет. Профессор был в превосходном настроении. Он явно гордился тем, что смог в свои преклонные годы выказать столько умения и сноровки при погрузке всех этих весьма тяжеловесных и громоздких предметов. Он даже отпустил по этому поводу несколько шуточных замечаний Рейнмаулю, университетскому привратнику, который с помощью своего друга Шиффера, еврея из Богемии, разгружал повозку по прибытии её в университет.

После того как реликвии были надёжно размещены в университетском хранилище, профессор самолично запер дверь, передал ключ от неё своему помощнику, г-ну Шлезингеру, и, попрощавшись со всеми, отправился домой. Г-н Шлезингер, со своей стороны, ещё раз убедившись, что всё в полном порядке, также ушёл, оставив Рейнмауля с его приятелем Шиффером курить в привратничке.

В одиннадцать часов вечера, приблизительно через полтора часа после ухода фон Гопштейна, один солдат 14-го стрелкового полка, возвращаясь в казарму и проходя мимо здания университета, натолкнулся на тело профессора, лежавшее чуть поодаль от обочины дороги. Фон Гопштейн лежал ничком, раскинув руки. Голова была разрублена пополам страшным ударом, который, как видно, был нанесён сзади, поскольку на лице старика застыла мирная улыбка; должно быть, смерть настигла его внезапно, когда он был погружён в приятные мысли о своём последнем приобретении. Иных увечий на теле не обнаружено, если не считать отёка в области левого коле-

на, вызванного, по всей видимости, ушибом уже после нанесения удара, когда профессор упал. Самое, пожалуй, необъяснимое в этой истории то, что кошелек профессора с сорока тремя флоринами, а также дорогие часы остались нетронутыми. Стало быть, мотивом преступления не могло быть ограбление, если только убийцам не помешали прежде, чем они смогли довершить начатое.

Однако последнее предположение отпадает по той причине, что тело убитого, по-видимому, пролежало в таком положении не менее часа. Всё это дело окутано непроницаемой тайной. Д-р Лангенманн, знаменитый врач-криминалист, пришёл к выводу, что рана могла быть нанесена тяжёлым сабельным штыком, причём нападавший, несомненно, отличается незаурядной силой. Полиция воздерживается от каких-либо комментариев по данному поводу, а это даёт основания полагать, что она уже напала на след. Возможно, в скором времени преступники будут найдены».

Вот и всё, что сообщала об этом происшествии «Пештер Абенд-блатт». Тем не менее поиски полиции не пролили ни малейшего света на обстоятельства убийства. Не удалось найти даже намёка на след убийцы, и самые хитроумные уловки не помогли обнаружить ни малейшего повода, который мог бы послужить мотивом к совершению столь ужасного преступления. Покойный профессор был настолько поглощён своими научными изысканиями, что жил как бы отгородясь от мира, и определённо не мог дать повода кому бы то ни было для проявления враждебности. Оставалось только допустить, что удар этот был нанесён каким-то демоном, кровожадным дикарём.

Хотя городские власти были весьма далеки от того, чтобы прийти к какому-либо заключению касательно данного убийства, обыватели в городе, по своей подозрительности, всё же не замедлили найти козла отпущения. Как, может быть, помнит читатель, в первых газетных сообщениях фигурировало имя некоего Шиффера; было известно, что он оставался с привратником после ухода профессора. Шиффер был еврей, а к евреям в Венгрии всегда относились прескверно. Общественность стала громко требовать ареста Шиффера, но поскольку против него не было ни малейшей улики, то у властей всё же хватило здравого смысла не совершать столь опрометчивого шага.

Притом убелённый сединами Рейнмауль, один из наиболее уважаемых граждан города, клятвенно заверил, что Шиффер был

неотлучно с ним, а когда солдат закричал от ужаса, они оба тотчас поспешили к месту трагического события. При таких обстоятельствах никому не приходило в голову обвинять Рейнмауля, но шёпотом поговаривали, будто его давняя и всем известная дружба с Шиффером вполне могла заставить его солгать, дабы выгородить приятеля.

Народные страсти начали накаляться, над Шиффером нависла серьёзная опасность расправы со стороны разъярённой толпы, когда вдруг произошло событие, заставившее взглянуть на всю эту историю под совершенно иным углом зрения.

Утром 12 декабря, то есть ровно через девять дней после таинственного убийства профессора, на окраине Большой площади Будапешта был найден окоченелый труп Шиффера, еврея из Богемии; тело его было так изувечено, что опознать его составило немало труда. Голова оказалась рассечена пополам почти так же, как и у фон Гопштейна.

При осмотре тела обнаружили множество глубоких ран, как если бы убийца был вне себя и в ярости продолжал наносить своей жертве удары. Накануне выпало много снега, огромная площадь вся оказалась заметена сугробами толщиной более фута. Снег шёл и ночью, как явствует из того, что он тонкой плёнкой, словно саваном, покрыл тело Шиффера.

Поначалу надеялись, что данное обстоятельство поможет обнаружить следы, оставленные убийцами, но, к сожалению, убийство произошло в таком месте, где в дневное время бойко и людно. Следов было множество, и вели они во все стороны. Кроме того, снег, выпавший позднее, настолько исказил сами очертания следов, что было уже невозможно извлечь из них сколько-нибудь ценные сведения.

Тайна убийства, таким образом, казалась столь же непостижимой, а злодеяние — лишённым мотивов, как и убийство профессора фон Гопштейна. В одном из карманов Шиффера был найден бумажник, в котором содержалась значительная сумма золотом и множество крупных банкнот, но, по всей видимости, убийцами не было предпринято ни малейшей попытки завладеть ими. Если допустить, как предполагала полиция, будто кто-то, кому убитый одолжил денег, употребил столь варварское средство, чтобы избежать необходимости вернуть долг, трудно было поверить, что злодей в таком случае оставил нетронутой подобную добычу.

Шиффер жил у вдовы по фамилии Груга на улице Марии-Терезы, 49, и допрос домовладелицы и её детей позволил установить, что весь предыдущий вечер Шиффер провёл, запершись у себя дома, в состоянии самой глубокой подавленности, связанной, по-видимому, с теми слухами, что ходили в городе на его счёт. Домовладелица слышала, как к одиннадцати часам вечера он вышел из дому на прогулку, оказавшуюся для него роковой, и поскольку у него был ключ от входной двери, она легла спать, не дожидаясь его возвращения. Если он выбрал себе для прогулки столь поздний час, то, видимо, потому, что не чувствовал себя в безопасности днём, боясь, что его узнают на улице.

Это второе убийство, совершённое вскоре же после первого, вызвало необычайное беспокойство и даже панику не только в Будапеште, но и во всей Венгрии. Казалось, нет такого человека, который мог бы быть уверен, что его минует страшная участь — смерть от неведомой силы. Единственное, что сопоставимо со всеобщим напряжением, царившим тогда в Венгрии, так только настроения у нас в Англии после злодейств, совершённых Вильямсом, как всё это описано у де Квинси.

Столь разительно было сходство между убийством фон Гопштейна и убийством Шиффера, что казалось невозможным усомниться в существовании между обоими преступлениями некоей связующей причины. Отсутствие мотива, отсутствие ограбления, полнейшее отсутствие следов и улик, обличающих убийцу, наконец, чудовищность ран, нанесённых, по-видимому, тем же самым или схожим оружием, — всё это указывало на общность источника.

Таково было положение дел к тому времени, когда случились события, о которых я расскажу сейчас, но чтобы рассказ этот был более понятным, мне придётся начать с другого.

Отто фон Шлегель был младшим отпрыском славного рода силезских Шлегелей. Отец его поначалу прочил ему армейскую карьеру, но, приняв к сведению мнение учителей, восхищённых талантами, кои проявлял юноша, он в конце концов отправил его изучать медицину в Будапештский университет. Молодой Шлегель отличился там во всех науках; многие полагали, что он блестяще сдаст выпускные экзамены, приумножив славу университета. Хотя читал он необычайно много, всё же его нельзя было назвать «книжным червём». Напротив, в молодом человеке кипели силы и была через край энергия; молодецкой удали и склонности ко всяческим юно-

шеским проказам ему было не занимать, так что популярность его среди студентов и сотоварищей была необычайная.

Приближались очередные экзамены, и Шлегель упорно готовился, настолько упорно, что даже страшные убийства, повергшие будапештцев в ужас, не смогли отвлечь его от занятий. В рождественский вечер, когда окна домов ярко и празднично светились, а из винного погребка, расположенного в студенческом квартале, доносились разудалые застольные песни, он отказался от настойчивых приглашений и призывов на ночные пирушки и с книгами под мышкой отправился к своему приятелю Леопольду Штраусу, чтобы сообща позаниматься до зари.

Штраус и Шлегель были неразлучными друзьями. Оба уроженцы Силезии, они знали друг друга с детства; их взаимная привязанность вошла в университет в поговорку. Штраус был, пожалуй, столь же замечательным студентом, как и сам Шлегель; между земляками постоянно случались по такому поводу самые горячие состязания, но всё это служило только укреплению их дружбы, внося в неё элемент взаимного уважения. Шлегель восхищался неуёмным упорством и безграничным добродушием своего давнишнего товарища по играм, а тот взирал на Шлегеля, с его щедрыми талантами и блестящей способностью к учёбе, как на совершенный образец человеческой личности.

Оба друга усердно занимались — один читал вслух трактат по анатомии, другой с черепом в руке прослеживал по нему детали, указанные в тексте, когда строгий звон с колокольни Святого Григория возвестил полночь.

— Послушай, старина, — сказал Шлегель, внезапно закрыв книгу и вытянув перед камином длинные ноги. — Вот и Рождество. Бог даст, не последнее, какое мы проводим вместе!

— Да, нам бы только управиться с этими проклятыми экзаменами до наступления следующего, — ответил Штраус. — Слушай, Отто, бутылочка винца по такому поводу придётся нам очень кстати. Я нарочно запасаю такой.

Его добродушная физиономия немца-южанина осветилась задорной улыбкой; из груди книг и костей в углу комнаты он вытянул высокогорлую бутылку рейнского вина.

— Да, сегодня одна из тех ночей, когда так приятно сидеть дома, пока за окном царят холод и мрак, — задумчиво протянул Отто фон Шлегель, созерцая зимний пейзаж. — Твоё здоровье, Леопольд!

— Lebe hoch!¹ — ответил ему товарищ. — Какое блаженство — хоть на минуту отвлекся от этих дурацких костей. Скажи, Отто, а что нового среди наших? Что слышно о Граубе и его противнике?

— Они дерутся завтра на кулаках, — ответил Шлегель. — Боюсь, как бы нашему удалцу не разукрасили физиономию, ведь у него руки чуть короче. Но при своей ловкости и проворстве он вполне может с честью выйти из этого дела. Говорят, он знает какой-то особый приём.

— И что, это и все студенческие новости? — спросил Штраус.

— Только и разговоров, по-моему, что о последних убийствах. Но я все эти дни, как ты знаешь, сижу за книгами и почти не обращаю внимания на подобные рассказы.

— Скажи, а ты ещё не успел посмотреть книги и оружие, о которых хлопотал наш почтенный профессор незадолго до того, как его нашли мёртвым? — спросил Штраус. — Говорят, их весьма стоит посмотреть

— Как раз сегодня видел, — ответил Шлегель, разжигая трубку. — Рейнмауль, привратник, провёл меня в хранилище, и я помогал ему наклеивать этикетки на многочисленные экспонаты, сверяясь с каталогом Музея графа Шуллинга. Судя по всему, в коллекции не хватает одного предмета.

— Не хватает одного предмета? — изумился Штраус. — Знал бы старик Гопштейн, он бы перевернулся в гробу. И что-нибудь существенное?

— По каталогу тот предмет значится как старинный боевой топор; само оружие стальное, а рукоять покрыта серебром. Мы написали извещение в железнодорожную компанию, и его несомненно разыщут.

— Надо надеяться, — согласился Штраус.

После этого разговор перешёл на иную тему.

Огонь в камине уже погас, бутылка рейнского опустела, друзья наконец поднялись, и Шлегель собрался уходить.

— Брр... какая холодная ночь, — поёжился он, стоя на пороге и облачаясь в пальто. — Как, Леопольд, ты хватаешься за фуражку? Надеюсь, ты не собираешься выходить?

— Нет, как раз собираюсь. Я тебя провожу, — сказал Штраус, затворяя за собой дверь. — Чувствую потребность пройтись, —

¹ Будь здоров! (нем.)

добавил он, взяв друга под руку и начав спускаться с ним по лестнице. — Думаю, что прогулка до твоего дома поможет мне взбодриться.

Студенты прошли по Штефенштрассе и пересекли площадь Святого Юлиана, беседуя на разные темы. Но когда они огибали угол Большой площади, на которой было найдено тело Шиффера, разговор, естественно, снова коснулся убийства.

— Вот здесь его нашли, — заметил Шлегель, показывая место.

— Быть может, убийца сейчас где-то поблизости, — сказал Штраус. — Поторопимся.

Они хотели было продолжить путь, как вдруг Шлегель вскрикнул от боли и нагнулся.

— Как больно! Видно, что-то впилося в подошву, — воскликнул он и, шаря рукой в снегу, извлёк оттуда маленький боевой топор, который весь сверкал в лунном свете, словно был целиком отлит из металла.

Топор лежал остриём кверху и чуть не поранил студенту ногу, когда он наступил на него.

— Оружие убийцы! — изумился он.

— Серебряный топорик из музея! — одновременно воскликнул Штраус.

Друзья несколько не сомневались, что их догадки в одинаковой степени верны. Мысль о том, будто есть ещё один такой же диковинный топор, казалась просто невероятной, а зная заключение криминалистов, студенты сразу предположили, что раны были нанесены именно этим предметом.

Убийца, вне всякого сомнения, просто бросил оружие, свершив своё чёрное дело; засыпанный снегом топор был найден в двадцати метрах от места убийства. Казалось невероятным, что его никто не заметил, ведь в течение дня тут оченьлюдно; но снег был глубоким, а орудие злодеяния лежало несколько в стороне от протоптанной дорожки.

— Как нам с ним поступить? — спросил Шлегель, держа топор в руке. Он вздрогнул, увидев при свете луны множество тёмно-бурых пятен на поверхности стали.

— Отнесём его комиссару полиции, — предложил Штраус.

— В это время он уже спит. Но всё-таки, я думаю, ты прав. Дождусь утра, а там перед завтраком отнесу его комиссару. Пока же придётся забрать его домой.

— Да, так, наверно, лучше, — согласился с ним друг.

И они продолжили путь, рассуждая о важности только что сделанной ими находки.

Когда наконец подошли к дому Шлегеля, Штраус пожелал другу спокойной ночи и, отклонив радушное предложение зайти, быстрым шагом двинулся по улице, стремясь поскорее попасть домой.

Шлегель уже было нагнулся, чтобы вставить ключ в замочную скважину, как вдруг какое-то странное, непостижимое изменение произошло во всём его существе. Он весь буквально затрясся от ярости, так что даже ключ выпал из его дрожащих пальцев. Правая рука судорожно сжала серебряную рукоять топора, а в глазах вспыхнуло дикое пламя ненависти, и он устремил взгляд на удаляющуюся фигуру друга. Несмотря на холод рождественской ночи, по лицу Шлегеля градом катился пот. С минуту он как бы боролся с каким-то внутренним порывом. Он даже поднёс к воротнику руку, словно бы задыхаясь. Затем Шлегель пригнулся и, крадучись, устремился за своим приятелем, с которым только что расстался.

Штраус ступал по снегу тяжёлым и твёрдым шагом, бодро навистывая мотив какой-то студенческой песенки и ничего не подозревая о крадущейся сзади зловещей фигуре. На Большой площади их разделяло сорок метров; на площади Святого Юлиана — уже только двадцать; на улице Святого Этьена — всего лишь десять, и преследователь, словно пантера, постепенно настигал беззаботно шедшего студента.

Вот он уже всего лишь на расстоянии вытянутой руки от ничего не подозревающего человека. Топор холодно сверкнул в лунном свете, когда какой-то слабый звук, видимо, привлёк внимание Штрауса, он резко обернулся и оказался вдруг лицом к лицу со своим преследователем.

Штраус вздрогнул от неожиданности и издал удивлённое восклицание, увидев мертвенное и сведённое судорогой лицо, сверкающие безумным огнём глаза и стиснутые зубы подкравшегося сзади преследователя.

— Что с тобой, Отто?! — воскликнул он, узнав своего друга. — Тебе плохо? Ты что-то бледен. Пойдём со мной... Стой, сумасшедший, брось этот топор! Брось его, говорю тебе, не то, клянусь Небом, я тебя задушю!

Шлегель, издав страшный крик, бросился на него, потрясая топором, но студент был человеком смелым и решительным. Он

уклонился от удара, который бы раскроил ему голову, обхватил нападающего одной рукой за талию, а другой за руку, сжимавшую топор. Какой-то миг они боролись в смертельном объятии. Шлегель пытался высвободить руку, но Штраусу в отчаянном усилии удалось повалить его на землю, и оба покатались по снегу; Штраус старался не выпускать руку, сжимавшую топор, и громко звал на помощь.

И хорошо, что звал, ибо, не кричи он, Шлегелю наверняка удалось бы высвободить руку, но тут на шум подоспели два рослых жандарма. Однако даже втроем им стоило невероятных усилий справиться со Шлегелем, силы которому придавало какое-то яростное безумие; при этом так и не удалось вырвать у него из руки злополучный топор — столь цепко Шлегель сжимал рукоять. У одного из жандармов оказался с собою моток верёвки, которою он и поспешил воспользоваться. Студент был связан. Затем то толчками, то волоком, невзирая на яростные крики и исступлённые телодвижения, Шлегеля в конце концов препроводили в главный комиссариат полиции.

Штраус помогал тащить своего старого друга и проследовал с ним и полицейскими до самого комиссариата. По дороге он всячески увещевал жандармов не применять насилия к задержанному и уверял, что дом умалишённых более подходящее место для бедолаги, нежели тюрьма. События минувшего получаса были столь чудовищны и невероятны, что он чувствовал, что и у него самого с головой не всё ладно.

Что, в самом деле, всё это значило? Несомненно, Шлегель — друг детства! — только что пытался его убить и едва не преуспел в этом. Как прикажете это понимать? Уж не он ли убийца профессора фон Гопштейна и богемского еврея?

Штраус понимал, что это невозможно. Шлегель всегда питал к профессору особенную симпатию, а что до еврея, так он даже и в глаза его не видел. Штраус машинально шёл за другом и конвоирами до самых дверей комиссариата, охваченный мучительным недоумением.

Дежурил, замещая комиссара, инспектор Баумгартен, один из самых энергичных и уважаемых сотрудников будапештской полиции, человек высокого роста, нервический, подвижный, но в обращении спокойный и выдержанный, одарённый к тому же незаурядной наблюдательностью. Даже после шести часов ночного дежурства

Баумгартен, как всегда, был бодр и деловит. Он сидел у себя в кабинете, за своим бюро, в то время как его друг, младший инспектор Винкель, сладко похрапывал на стуле возле камина.

Несмотря на обычную бесстрастность инспектора, на лице его выразилось удивление, когда дверь вдруг широко распахнулась и в комнату втолкнули связанного Шлегеля, бледного, в разорванной одежде и с топором, который он по-прежнему судорожно сжимал в руке. Баумгартен удивился ещё более, когда Штраус и жандармы изложили суть дела, каковая должным образом и была внесена им в протокол.

— Эх, молодой человек, молодой человек, — укоризненно сказал Баумгартен, отложив наконец перо в сторону и строго глядя на злоумышленника. — Хороший же подарок вы припасли нам на рождественское утро! Зачем вы это сделали?

— Бог его знает, — ответил Шлегель, закрывая лицо руками. Как только топор выпал у него из руки, в нём снова произошла поразительная перемена: гнев и лихорадочное возбуждение исчезли без следа; казалось, он совершенно подавлен случившимся.

— Вы поставили себя в весьма неприятное положение. Есть все основания подозревать, что именно вы совершили два убийства, которые потрясли наш город.

— Нет, нет, что вы! Упаси бог... — пробормотал Шлегель.

— По меньшей мере вы виновны в том, что покушались на жизнь господина Леопольда Штрауса.

— Дороже, чем он, друга у меня нет! — простонал студент. — О, как я мог! Как я мог?!...

— Эта самая дружба делает ваше преступление лишь ещё более омерзительным, — сурово изрёк инспектор и обратился к жандармам. — Пусть до утра его отведут в... Минутку! Что такое?

Дверь распахнулась, и в комнату вошёл человек с безумным, блуждающим взором, одетый на скорую руку, походивший скорее на призрак, чем на живого человека. Он едва стоял на ногах и потому, чтобы приблизиться к столу инспектора, принуждён был опираться на спинки стульев. В этом несчастном и сломленном существе было не так-то легко узнать приват-доцента Вильгельма Шлезингера, жизнерадостного и краснощёкого помощника попечителя университетского музея, однако намётанным глазом Баумгартен сразу узнал вошедшего, несмотря на разительные перемены, произошедшие в его облике.

— Доброе утро, сударь! — сказал он. — Рановато вы к нам пожаловали. Надо полагать, всему виной то, что один из ваших студентов — Шлегель — арестован при попытке убийства Леопольда Штрауса?

— Нет, я явился по собственному делу, — прохрипел Шлезингер, поднося руку к вороту рубашки. — Я пришёл успокоить свою совесть и сознаться в лежащей на мне тяжкой вине. И всё же, видит Бог, господа, всё это случилось против моей воли... Это я, тот, кто... О боже! вот он! Вот он, этот проклятый топор... О, если б только он никогда не попадался мне на глаза!

И Шлезингер попятился, охваченный невольным ужасом, широко раскрытыми глазами глядя на топор, всё ещё лежавший на полу.

— Он здесь! — воскликнул Шлезингер, указывая дрожащим пальцем на зловещее изделие Средневековья. — Взгляните только на него! Он попал сюда, чтобы обличить меня. Видите бурую ржавчину, которой он весь покрыт? Знаете ли вы, что это такое? Это кровь моего самого дорогого, самого любимого друга, профессора фон Гопштейна! Я видел, как она брызнула из-под топора до самой рукояти, когда всадил его в мозг моему другу... О mein Gott! Эта картина и по сию пору стоит у меня перед глазами...

— Младший инспектор Винкель, — сказал Баумгартен, сиюсье сохранить официальное хладнокровие, — арестуйте этого человека. Он подозревается в убийстве на основании его собственного заявления. Точно так же передаю вам Шлегеля, здесь присутствующего, обвиняемого в покушении на убийство г-на Штрауса. Поместите в надёжное место и это оружие. — Баумгартен взял в руку топор. — По всей видимости, оно послужило орудием для двух преступлений.

Вильгельм Шлезингер стоял, опершись на стол, лицо его было покрыто смертельной бледностью. Как только инспектор умолк, он в крайнем изумлении вскинул голову и воззрился на присутствующих.

— Как вы сказали? — воскликнул он. — Шлегель покушался на жизнь Штрауса? Да ведь это два самых неразлучных друга во всём университете! И я тоже убил своего друга и учителя! Это колдовство, говорю я вам, магия, эффект заговора. Мы все жертвы магической силы. Это... О, я понял! Во всём повинен топор, этот серебристый топор, будь он проклят!

И он судорожно указал пальцем на оружие, которое инспектор Баумгартен всё ещё держал в руке. Инспектор презрительно улыбнулся.

— Успокойтесь, милейший, — сказал он. — Вы только усугубляете свою вину, пытаясь навязать следствию столь необычайное объяснение преступного деяния, в котором только что сами сознались. Магия и колдовство не значатся в уголовном кодексе, как вам подтвердит и мой друг Винкель, и потому не могут быть приняты во внимание.

— Всё так, конечно, но тем не менее... — замялся младший инспектор, пожимая широкими плечами. — На свете порой случаются странные вещи. Кто знает, если...

— Что?! — в ярости взревел инспектор Баумгартен. — Вы ещё смеете мне противоречить?! Я не потерплю тут никаких собственных мнений! Может быть, вы ещё вздумаете защищать этих проклятых убийц, болван несчастный? Олух, пробил твой последний час!!!

И, бросившись на потрясённого Винкеля, Баумгартен замахнулся на него топором. Последний час младшего инспектора и впрямь пробил бы, если бы Баумгартен в ярости не забыл о том, что в комнате слишком низкий потолок. Топор вонзился остриём в балку на потолке и, дрожа, застрял в ней, а рукоять его разлетелась от удара на мелкие куски.

— Господи! что со мной? — проговорил Баумгартен, словно прийдя в себя и падая на свой стул. — Что я наделал?!

— Вы просто неопровержимо доказали, что слова господина Шлезингера — сущая правда, — сказал Шлегель, выступая вперёд: поражённые жандармы совершенно забыли про арестованного. — Наглядно доказали. Пусть это и противоречит рассудку, науке или чему-нибудь ещё, тем не менее несомненно, что заговор проявил себя на деле. Это и даёт всему объяснение. Штраус, дружище, ты же знаешь, что, будь я в здравом уме, я бы и волоса не тронул на твоей голове... И вы, Шлезингер. Всем известно, как были вы дружны с профессором. А вы, инспектор Баумгартен, по собственному ли почину чуть не убили своего друга Винкеля?

— Нет, разумеется, ни за что бы на свете... — простонал инспектор, закрывая лицо руками.

— В таком случае, господа, разве не всё нам ясно? Но теперь, хвала Небу, проклятое оружие разбилось и не сможет плодить новые несчастья... Но что это? Взгляните!

При этих словах на середину комнаты, в буквальном смысле с потолка, свалился тонкий свиток пожелтевшего пергамента. При взгляде на обломки рукояти стало ясно, что она была полой. По всей вероятности, пергаментный свиток был всунут в неё через узкое отверстие, которое затем было запаяно.

Шлегель развернул документ. Прочсть его было почти невозможно: пергамент был ветхий, но всё же то, что удалось разобрать (текст написан был по-немецки на одном из средневековых диалектов), сводилось к следующему:

«Diese waffe benutzte Max von Erlichingen um Joanna Bodeck zu ermorden, deshalb beschuldige Ich, Johann Bodeck, mittelst der macht welche mir als mitglied des Concils des Rothen Kreuzes verliehen wurde, dieselbe mit dieser unthat. Mag sie anderen denselben schmerz verursachen den sie mir verursacht hat. Mag Jede hand die sie ergriff mit dem blut eines freundes geroethet sein.

Immer uebel — niemals gut
Geroethet mit freundes blut!»

Что приблизительно можно перевести так:

«Сим оружием Макс фон Эрлихинген лишил жизни Иоанну Бодек. А посему я, Иоганн Бодек, властью, дарованной мне как члену великого Совета розенкрейцеров, пользуюсь, налагаю на него своё проклятие. Пусть причинит оно другим ту же боль, какую причинило мне. Пусть каждая рука, держащая его, обгадится кровью близкого друга.

Живи убийством, не любовью
И умывайся дружьей кровью!»

Когда Шлегель кончил разбирать по складам этот диковинный документ, в комнате воцарилась глубокая тишина. Вот он кладёт пергамент на стол, и Штраус, дружески беря его за руку, говорит:

— Да мне и не нужно такого доказательства, дружище. Ещё когда ты на меня замахнулся, я от всего сердца простил тебя. И я знаю, что, будь наш бедный профессор сейчас здесь, он сказал бы то же самое господину Шлезингеру.

— Однако, господа, — заметил инспектор, вставая и снова приняв официальный тон, — сколь бы странным ни было это дело, оно должно вестись в соответствии с правилами и в установленном

законом порядке. Младший инспектор Винкель, я, ваш непосредственный начальник, приказываю вам арестовать меня как виновного в покушении на вашу жизнь. Вам надлежит препроводить меня в тюрьму, равно как и господ фон Шлегеля и Вильгельма Шлезингера. Нас троих следует содержать под стражей до решения суда. Потрудитесь как можно скорее поместить в надёжное место данный предмет, — добавил он, указывая на пергаментный свиток. — И время, что я буду находиться в заключении, постарайтесь употребить на то, чтобы как можно скорее отыскать убийцу господина Шиффера, богемского еврея.

Вскоре и единственное звено, недостававшее в цепи свидетельств, было восстановлено. Двадцать восьмого декабря жена привратника Рейнмауля, войдя в спальню после непродолжительного отсутствия, нашла мужа мёртвым. Он повесился на крюке в стене. На столе лежала записка, в которой Рейнмауль признавал себя виновным в убийстве еврея Шиффера и добавлял, что убитый был его лучшим другом и что убил он его не по злему умыслу, а под влиянием непреодолимого побуждения. Угрызения совести и чувство неизбежной вины, говорилось в записке, в конце концов толкают его на самоубийство. И, завершая признание, он сообщал, что ввергает свою душу милосердию Божию.

Судебные дебаты, развернувшиеся вслед за этим, были, пожалуй, самыми необычайными во всей истории юриспруденции. Департамент полиции тщетно указывал на несостоятельность объяснений, которые представили обвиняемые; тщетно прокурор призывал запретить употребление в судебной дискуссии, происходящей в конце XIX века, такого понятия, как «магия». Стечение обстоятельств выглядело слишком убедительным, и суд присяжных единогласно вынес оправдательный приговор.

Подводя итог спорам, судья сказал:

— Данное орудие убийства более двухсот лет провисело на стене в родовом замке графа фон Шуллинга, и всё это время его не касалась рука человеческая. Ужасная смерть, постигшая графа в результате ударов, которые нанёс ему друг-интендант, державший в руке этот топор, ещё у многих свежа в памяти. Следствию удалось установить, что за несколько дней до убийства интендант перенёс старинное оружие в другое место и занимался его чисткой, а когда дошла очередь до серебристого топора, интендант, взяв его в руки, сразу же убивает своего хозяина, которому верой и правдой прослужил более двадцати лет.

Затем, в соответствии с волей, выраженной в завещании графа, коллекция оружия была перевезена в Будапешт; её разгрузка на вокзале производилась господином Шлезингером, и менее чем через два часа после этого он убивает профессора. Следующим, кто взял оружие в руки, был, как выяснилось, г-н Рейнмауль, университетский привратник, помогавший при переноске коллекции из повозки в хранилище, и при первой же возможности он ударяет этим топором своего друга Шиффера.

Далее мы имеем покушения на убийство, совершённые Шлегелем против Штрауса и инспектором Баумгартеном против младшего инспектора Винкеля, каждое из которых происходит сразу же после того, как топор оказывается в руке обвиняемого. Наконец, словно само Провидение являет нам этот чрезвычайный документ, зачитанный вам г-ном секретарём суда.

Господа присяжные заседатели, я призываю вас как можно тщательнее взвесить все эти факты и проследить их взаимосвязь и знаю, что вы вынесете приговор, который будет продиктован вашей совестью, без боязни и принуждения.

Быть может, после этого английскому читателю будет интересно узнать заключение д-ра Лангенманна, хотя в венгерской аудитории оно и встретило мало сторонников. Д-р Лангенманн — ведущий эксперт в области судебной медицины, а также автор нескольких классических трактатов по металлургии и токсикологии — заявил на суде:

— Я не уверен, господа, что есть надобность в некромантии или чёрной магии для объяснения случившегося. То, что я утверждаю, всего лишь гипотеза, не основанная на каких-либо доказательствах. Но в столь необычайном случае, как этот, наверное, нет предположения, которым можно было бы пренебречь.

Розенкрейцеры, о которых говорится в данном документе¹, были самыми сведущими химиками раннего Средневековья; среди них были и крупнейшие алхимики, имена коих дошли до нас. Несмотря на все новейшие научные достижения, в химии есть отдельные области, в которых древние ушли значительно дальше нас, и это особенно справедливо в том, что касается изготовления тонких и смертельных ядов. Этот Иоганн Бодек, один из старейших розенкрейцеров, несомненно, владел рецептом целого ряда снадо-

¹ Один из тайных религиозно-мистических орденов эпохи Средневековья и начала Новейшей истории.

бий такого рода. Некоторые из них, как, например, «аква тофана», излюбленная семьёй Медичи, вызывали смертельное отравление, проникая через поры кожи.

Можно, таким образом, предположить, что рукоять топора была обработана каким-то особым составом, представлявшим собою летучий яд. Он вызывает у человека внезапные приступы ярости, сопровождаемые маниакальной потребностью в убийстве. Известно, что при такого рода приступах ярость одержимого направляется как раз против тех, кого, будучи в здравом состоянии, он больше всего любит.

Однако, как я уже отметил, у меня нет никаких фактов в поддержку моей теории; я предлагаю её лишь в качестве гипотезы.

Данным отрывком из выступления проницательного и учёного профессора мы и можем, я полагаю, завершить свой рассказ о знаменитом судебном процессе.

Остаётся только добавить, что обломки пресловутого топора были брошены в глубокое болото, для чего пришлось прибегнуть к помощи одного смышлёного спаниеля; собака переносила их в зубах: никто из людей не решился притронуться к ним из страха сделаться жертвой уже известной всем мании. Пергамент же хранится и донныне в музее университета. Ну а Штраус и Шлегель, равно как Баумгартен и Винкель, — по-прежнему самые лучшие друзья на свете и намереваются оставаться таковыми, насколько я знаю, и впредь. Шлезингер в качестве военного хирурга поступил на службу в кавалерийский полк и пятью годами позже был сражён пулей в одной из битв, когда под шквальным огнём противника пробирался к раненым, чтобы оказать помощь. В согласии с волей покойного его небольшое имение было продано, а деньги употреблены на сооружение мраморного обелиска на могиле профессора фон Гопштейна.

1883 г.

ПАДЕНИЕ ЛОРДА БЭРРИМОРА

Вряд ли найдётся летописец дней минувших, который не поведал бы потомкам о долгой и яростной борьбе за титул «короля» Сент-Джеймса между двумя знаменитыми столичными фатами, сэром Чарльзом Треджеллисом и лордом Бэрримором, — борьбе, разделившей фешенебельный Лондон на два враждующих лагеря. Факт неожиданного ухода со сцены благородного пэра (после чего

чуть менее аристократичный его соперник продолжал властвовать в одиночестве) также был историками засвидетельствован. Но только сейчас вы сможете узнать наконец об истинной и весьма примечательной причине внезапного заката этой яркой звезды.

Однажды утром (происходило всё это, когда легендарное соперничество было в самом разгаре) сэр Чарльз Треджеллис занимался своим непростым туалетом, а слуга Амброуз помогал хозяину достичь той степени совершенства, которая давно уже обеспечила ему репутацию самого выдающегося франта Лондона.

Внезапно, не довершив *сoup d'archet*¹ и оставив великолепную галстучную конструкцию незаконченной, сэр Чарльз замер и прислушался. На его широком миловидном лице, отмеченном здоровым румянцем, отразились изумление и негодование одновременно. Лязгающе-отрывистая дробь ударов дверного молоточка внизу окончательно заглушила многоголосый гул Джермин-стрит.

— Начинаю подозревать, что источник этого шума находится где-то вблизи нашего парадного, — проговорил сэр Чарльз в манере человека, привыкшего размышлять вслух. — С некоторыми паузами продолжается это уже минут пять. А ведь Перкинсу даны были соответствующие указания.

Повинуясь жесту хозяина, Амброуз вышел на балкон и свесил вниз свою почтенную голову.

— Ты очень обяжешь меня, приятель, если соизволишь открыть дверь, — донёсся с улицы медленный, но отчётливый голос.

— Кто это? Кто это такой? — возмущённо воскликнул сэр Чарльз, и рука его замерла локтем вверх.

Амброуз вернулся, выразив на смуглом лице изумление — в той пропорции, какова позволительна была при его положении.

— Это юный джентльмен, сэр Чарльз.

— Юный джентльмен? Но все в Лондоне знают, что я не показываюсь до полудня. Тебе знаком этот человек? Ты видел его раньше?

— Нет, сэр, но он весьма напоминает мне того, чьё имя я бы, пожалуй, не решился произнести.

— Кого же?

— При всём уважении, сэр Чарльз... Был момент, когда мне показалось, будто вы сами стоите внизу. Молодой человек пониже ростом и помоложе, но голос, лицо, осанка...

¹ Кударше (*фр.*) — название чрезвычайно сложного галстучного узла.

— Это, должно быть, юнец Верекер, несносный отпрыск моего брата, — пробормотал сэр Чарльз, возобновляя свой туалет. — Я слышал, кое в чём он действительно на меня похож. Верекер написал мне, что приезжает из Оксфорда, а я ответил, что не приму его. Однако, я вижу, он рискнул проявить настойчивость. Этому парню требуется преподать урок! Амброуз, вызови Перкинса.

На пороге комнаты возник рослый дворецкий; лицо его выражало крайнее возмущение.

— Перкинс, я более не намерен терпеть этот шум за дверьми.

— Позвольте, сэр, но юный джентльмен уходит не желает.

— Не желает? Но твоя обязанность и состоит в том, чтобы заставить его уйти. Разве ты не получал указаний? Ты сказал ему, что до полудня видеть меня не позволено?

— Сказал, сэр. Он вознамерился было оттолкнуть меня и ворваться в дом, поэтому я захлопнул дверь прямо у него перед носом.

— Правильно сделал, Перкинс.

— Но сейчас, сэр, он создаёт такой шум, что все жильцы высунулись из окон. Кроме того, на улице, сэр, начинает собираться толпа.

Снизу донеслись оглушительный бой молоточка (с каждым ударом своим звучавшего всё настойчивее), взрыв хохота и ободряющие реплики зрителей. Лицо сэра Чарльза гневно вспыхнуло. Непочтительности этой пора было положить конец.

— Перкинс, возьми мою зачехлённую янтарную трость в углу и распорядись ею по собственному усмотрению. Пара ударов, думаю, исправит мозги юному негодю.

Громила Перкинс улыбнулся и вышел. Слышно было, как отворилась дверь; стук прекратился. Через несколько секунд кто-то оглушительно взвыл и послышались удары, словно о выбиваемый ковёр. Некоторое время сэр Чарльз внимал этим звукам вполне благоклонно; затем улыбка сползла с его добродушного лица.

— Перкинсу бы не переусердствовать, — пробормотал он. — Нельзя же оставить парня калекой, пусть даже он того и заслуживает. Амброуз, беги на балкон и зови Перкинса обратно. Это перешло уже все границы.

Не успел слуга сдвинуться с места, как на лестнице послышался быстрый топот и в дверях возник милостивый юноша, разодетый по последней моде. Осанка, черты лица, но более всего лукавые пляшущие искорки во взгляде больших голубых глаз явно выдавали в нём знаменитую кровь Трежеллисов. Таким был и сэр Чарльз,

когда двадцать лет назад благодаря исключительно дерзости и силе духа за один сезон занял место на лондонском олимпе, откуда не сумел сбросить его сам Бруммель. Бросив весёлый взгляд на искажённое гневом лицо дядюшки, юноша залихватски протянул ему остатки янтарной трости.

— Опасаюсь, сэр, — заговорил он, — что, наставляя вашего слугу на путь истинный, я имел несчастье нанести ущерб тому, что, несомненно, являлось вашей собственностью. Мне жаль, что это произошло.

Сэр Чарльз ошеломлённо воззрился на дерзкого пришельца, а тот, в свою очередь, смешно спародировал манеру родственника ответным взглядом. Как успел уже заметить Амброуз с балкона, оба казались точными копиями друг друга; разве что Треджеллисмладший был чуточку ниже, тоньше и непоседливей.

— Итак, вы — мой племянник, Верекер Треджеллис? — спросил сэра Чарльза.

— К вашим услугам, сэр.

— Я получил о вас из Оксфорда дурные известия.

— Новости оттуда, сэр, насколько я понимаю, идут действительно нехорошие.

— Хуже некуда.

— Вот и я был проинформирован в том же духе.

— Зачем вы явились сюда?

— Чтобы повидать своего знаменитого дядюшку.

— Ради этого вы учинили скандал на улице, ворвались к нему в дом и избили его дворецкого?

— Именно так, сэр.

— Вы получили моё письмо?

— Да, сэр.

— Из коего явствовало, что я не приму вас?

— Да, сэр.

— С такой наглостью я, кажется, встречаюсь впервые.

Вместо ответа молодой человек улыбнулся и удовлетворённо потёр ладони.

— Дерзость оправдана лишь в том случае, если она подкреплена остроумием, — сухо продолжал сэра Чарльза. — В противном случае она превращается в обыкновенное хамство неотёсанного простолюдина. Возможно, став с возрастом чуть умнее, вы научитесь понимать эту разницу.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Павел Гелева. А. Конан-Дойль в России. История «усвоения»</i> (Предисловие издателя-составителя)	5
--	---

РАССКАЗЫ

Топор с посеребрённой рукоятью. <i>Перевод П. Гелевы</i>	15
Падение лорда Бэрримора. <i>Перевод В. Полякова</i>	31
Состязание. <i>Перевод С. Маркиша</i>	44
Злополучный выстрел. <i>Перевод И. Мигولاتьева</i>	51
Как губернатор Сент-Китта вернулся на родину. <i>Перевод Б. Грибанова</i>	90
Наши ставки на дерби. <i>Перевод Н. Высоцкой</i>	101
Хитрости дипломатии. <i>Перевод П. Гелевы</i>	123
Дружеская болтовня. <i>Перевод А. Дубова</i>	134
Странное происшествие в Оксфорде. <i>Перевод Н. Высоцкой</i>	148
Соприкосновение. <i>Перевод О. Варшавер</i>	180
Сомнительное дело об убийстве Мэри Эмслей. <i>Перевод П. Гелевы</i>	186
Женитьба бригадира. <i>Перевод Д. Жукова</i>	197
Чудовища заоблачных высот. <i>Перевод Ю. Жуковой</i>	205
Колченогий бакалейщик. <i>Перевод А. Дубова</i>	221
Проклятие Евы. <i>Перевод П. Гелевы</i>	242
«Весёлая Салли». <i>Перевод П. Гелевы</i>	253
Лакированная шкатулка. <i>Перевод В. Воронина</i>	262
Необычайный эксперимент в Кайнплатце. <i>Перевод Н. Дехтеревой</i>	275
Как капитан Шарки и Стивен Крэдок перехитрили друг друга. <i>Перевод Б. Грибанова</i>	290
Неудачное начало. <i>Перевод Г. Злобина</i>	303
Последняя галера. <i>Перевод П. Гелевы</i>	315

СОДЕРЖАНИЕ

Привидения в замке Горсторп-Грэйндж. <i>Перевод В. Полякова</i>	322
Признания. <i>Перевод П. Гелевы</i>	339
Двигатель Брауна — Перикорда. <i>Перевод П. Гелевы</i>	349
Первоапрельская шутка. <i>Перевод Е. Коротковой</i>	360
Паразит (<i>записки зомбированного</i>). <i>Перевод П. Гелевы</i>	388
Святотатец. <i>Перевод А. Дубова</i>	443
Школьный учитель. <i>Перевод Н. Дехтеревой</i>	450
Ошибка капитана Шарки. <i>Перевод Н. Емельяниковой</i>	465
Фиаско в Лос-Амигосе. <i>Перевод Г. Злобина</i>	477
Смуглая рука. <i>Перевод Ю. Жуковой</i>	484
Исчезнувший экстренный поезд. <i>Перевод Н. Высоцкой</i>	499
Начало военной карьеры бимбаши Джойса. <i>Перевод П. Гелевы</i>	515
Бразильский кот. <i>Перевод Л. Мотылёва</i>	525
Женщина-врач. <i>Перевод П. Гелевы</i>	543
Перстень Тота. <i>Перевод Ю. Жуковой</i>	554
Потерпевшие кораблекрушение на «Архангеле». <i>Перевод П. Гелевы</i>	572
Великан Максимин. <i>Перевод А. Дубова</i>	593
Опечатанная комната. <i>Перевод А. Дубова</i>	609
Хозяин Шато-Нуар. <i>Перевод П. Гелевы</i>	624
Игра с огнём. <i>Перевод Ю. Жуковой</i>	636
Возвращение памяти. <i>Перевод П. Гелевы</i>	651
Заседание Общества любителей броунинговской поэзии. <i>Перевод П. Гелевы</i>	671
Дьявол из бондарной мастерской. <i>Перевод П. Гелевы</i>	683
Три корреспондента. <i>Перевод П. Гелевы</i>	694
Кошмарная комната. <i>Перевод В. Воронина</i>	716
Великая жрица тугов. <i>Перевод П. Гелевы</i>	723
Как Копли Бэнкс прикончил капитана Шарки. <i>Перевод Н. Емельяниковой</i>	762
Как синьор Ламберт покинул сцену. <i>Перевод П. Гелевы</i>	773
Знамя свободы. <i>Перевод П. Гелевы</i>	782
История «навесного спидигью». <i>Перевод А. Дубова</i>	797
Джон Баррингтон Каулз. <i>Перевод О. Варшавер</i>	821
Доктор Краббе обзаводится пациентами. <i>Перевод В. Полякова</i>	842
Вот как это случилось. <i>Перевод П. Гелевы</i>	855

Дойль А. К.

Д 62 Хозяин Чёрного Замка и другие истории / Артур Конан Дойль ; пер. с англ. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2018. — 864 с. — (Иностранная литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-07119-3

Крупнейший английский писатель, тонкий мыслитель, общественный деятель, публицист, доктор медицины и доктор права сэра Артура Конана Дойля известен всему миру как непревзойденный мастер детективного и приключенческого жанров. Однако огромный пласт его литературного наследия состоит из рассказов, не вошедших ни в один из официальных циклов: исторические, детективные, приключенческие, фантастические, рассказы о любви, хитроумных аферах, поразительных совпадениях, морских злоключениях... Есть и такие, где смешиваются самые разнообразные темы и жанры. Каждый такой рассказ — небольшой шедевр, не уступающий самым знаменитым произведениям мастера.

В настоящем издании представлены избранные рассказы писателя, собранные в пеструю, многоцветную мозаику, разнообразную и, однако же, дающую прекрасное представление о ярком таланте сэра Артура Конана Дойля.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

АРТУР КОНАН ДОЙЛЬ
ХОЗЯИН ЧЁРНОГО ЗАМКА
И ДРУГИЕ ИСТОРИИ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Ольги Варламовой
Корректоры Елена Терскова, Валентина Гончар,
Маргарита Ахметова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

Подписано в печать 16.05.2018. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 54.
Заказ № .

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

УДК-15110-04-8

Издательская Группа «Азбука-Аттикус»

В состав Издательской Группы «Азбука-Аттикус» входят известнейшие российские издательства: «Азбука», «Махаон», «Иностранка», «КоЛибри». Наши книги — это русская и зарубежная классика, современная отечественная и переводная художественная литература, детективы, фэнтези, фантастика, pop-fiction, художественные и развивающие книги для детей, иллюстрированные энциклопедии по всем отраслям знаний, историко-биографические издания. Узнать подробнее о наших сериях и новинках вы можете на сайте Издательской Группы «Азбука-Аттикус»

<http://www.atticus-group.ru/>

Здесь же вы можете прочесть отрывки из новых книг, узнать о различных мероприятиях и акциях, а также заказать наши книги через интернет-магазины.

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01,
факс: (495) 933-76-19
e-mail: sales@atticus-group.ru;
info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО
«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55,
факс: (812) 327-01-60
e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01.
e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru,
www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей
и творческого сотрудничества
размещена по адресу:
www.azbooka.ru/new_authors